

что сохранение донороспособности населения под угрозой. Необходимо было уменьшить и дозы заготавливаемой от донора крови. Взятие крови от доноров в течение 1942 года могло быть допущено только в уменьшенных дозах не более 170 мл за кроводачу (часто 150–120 мл) с интервалами 5–6 недель. Лишь с 1943 года разовая доза кроводачи была увеличена до 200 мл через 4–5 недель; с 1944 года доза взятия крови была поднята до 250 мл [1, 3].

Итог совместной деятельности ученых-медиков, врачей и доноров блокадного Ленинграда – 20% донорской крови и кровезамещающих растворов, полученные Красной Армией, были заготовлены в блокадном Ленинграде, в стенах Ленинградского института переливания крови.

Деятельность работников Ленинградского института переливания крови и доноров Ленинграда в тяжелых условиях блокады и войны может служить примером негибаемого мужества, жизнеутверждающего оптимизма и высочайшего профессионализма.

Литературные источники:

1. Кухарчик, В. В. Ленинградский институт переливания крови в дни войны и блокады / В. В. Кухарчик. – Л., 1947. – 92 с.
2. Депп, М. Е., Переливание больших доз крови от универсального донора / М. Е. Депп // Тр. Ленинградского ордена Трудового красного знамени научно-исследовательского института переливания крови. – Т. V. – Л., 1943. – С. 10–16.
3. Богомолова, Л. Г. Организация донорства в Ленинграде во время блокады // Тр. Ленинградского ордена Трудового красного знамени научно-исследовательского института переливания крови. – Т. VI. – Л., 1947. – 11–19 с.

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Каптюх Д. С., Арещенко К. В.

Гродненский государственный медицинский университет
г. Гродно, Беларусь

Научный руководитель – доцент военной кафедры, к.м.н., доцент,
полковник м/с в отставке В. М. Ивашин

Актуальность. Много лет отделяют нас от Великой Отечественной войны (1941-1945). Но время не снижает интереса к этой теме, обращая внимание сегодняшнего поколения к далёким фронтовым годам, к истокам подвига и мужества советского солдата – героя, освободителя,

гуманиста. Да, слово писателя на войне и о войне трудно переоценить; Меткое, разящее, возвышающее слово, стихотворение, песня, частушка, яркий героический образ бойца или командира – они вдохновляли воинов на подвиги, вели к победе. Эти слова и сегодня полны патриотического звучания, они поэтизируют служение Родине, утверждают красоту и величие наших моральных ценностей. Вот почему мы вновь и вновь возвращаемся к произведениям, составившим золотой фонд литературы о Великой Отечественной войне.

Цель: изучить роль советской литературы в годы Великой Отечественной войны.

Метод: анализ источников информации.

Результаты. Как не было ничего равного этой войне в истории человечества, так и в истории мирового искусства не было такого количества различного рода произведений, как об этом трагическом времени. Особенно сильно тема войны прозвучала в советской литературе. С первых же дней грандиозной битвы наши писатели встали в один строй со всем сражающимся народом. Более тысячи писателей принимали участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, «пером и автоматом» защищая родную землю. Из 1000 с лишним писателей, ушедших на фронт, более 400 не вернулись с войны, 21 стали Героями Советского Союза.

Известные мастера нашей литературы (М. Шолохов, Л. Леонов, А. Толстой, А. Фадеев, Вс. Иванов, И. Эренбург, Б. Горбатов, Д. Бедный, В. Вишневский, В. Василевская, К. Симонов, А. Сурков, Б. Лавренёв, Л. Соболев и многие другие) стали корреспондентами фронтовых и центральных газет.

«Нет большей чести для советского литератора, – писал в те годы А. Фадеев, – и нет более высокой задачи у советского искусства, чем повседневное и неустанное служение оружием художественного слова своему народу в грозные часы битвы».

Писатели дышали одним дыханием с борющимся народом и чувствовали себя «окопными поэтами», а вся литература в целом, по меткому выражению А. Твардовского, была «голосом героической души народа».

Советская литература военного времени была многопроблемной и многожанровой. Стихотворения, очерки, публицистические статьи, рассказы, пьесы, поэмы, романы создавались писателями в годы войны. Причем, если в 1941 году преобладали малые – «оперативные» жанры, то с течением времени значительную роль начинают играть произведения более крупных литературных жанров.

Традиции литературы Великой Отечественной войны – это фундамент творческих поисков современной советской прозы. Без этих, ставших классическими, традиций, в основе которых лежит ясное понимание решающей роли народных масс в войне, их героизма и беззаветной преданности Родине, невозможны были бы те замечательные успехи, что достигнуты советской «военной» прозой сегодня.

Своё дальнейшее развитие проза о Великой Отечественной войне получила в первые послевоенные годы. Писал «Костёр» К. Федин. Продолжал работу над романом «Они сражались за Родину» М. Шолохов. В первое послевоенное десятилетие появился и ряд произведений, которые принято за ярко выраженное стремление к всеобъемлющему изображению событий войны называть «панорамными» романами (сам термин появился позднее, когда, были определены общие типологические черты этих романов). Это «Белая берёза» М. Бубённова, «Знаменосцы» О. Гончара, «Битва при Берлине» Вс. Иванова, «Весна на Одере» Э. Казакевича, «Буря» И. Эренбурга, «Буря» О. Лациса, «Семья Рубанюк» Е. Поповкина, «Незабываемые дни» М. Лынькова, «За власть Советов» В. Катаева и др.

Несмотря на то, что многим из «панорамных» романов были свойственны существенные недостатки, такие, как некоторая «лакировка» изображаемых событий, слабый психологизм, иллюстративность, прямолинейное противопоставление положительных и отрицательных героев, определённая «романтизация» войны, эти произведения сыграли свою роль в развитии военной прозы.

Большой вклад в развитие советской военной прозы внесли писатели так называемой «второй волны», писатели-фронтовики, вступившие в большую литературу в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Так, Юрий Бондарев под Сталинградом жёг танки Манштейна. Артиллеристами были также Е. Носов, Г. Бакланов; поэт Александр Яшин сражался в морской пехоте под Ленинградом; поэт Сергей Орлов и писатель А. Ананьев – танкистами, горели в танке. Писатель Николай Грибачёв был командиром взвода, а затем командиром сапёрного батальона. Олесь Гончар воевал в миномётном расчёте; пехотинцами были В. Быков, И. Акулов, В. Кондратьев; миномётчиком – М. Алексеев; курсантом, а затем партизаном – К. Воробьёв; связистами – В. Астафьев и Ю. Гончаров; самоходчиком – В. Курочкин; десантником и разведчиком – В. Богомоллов; партизанами – Д. Гусаров и А. Адамович...

Фронтной опыт у разных писателей неодинаков. Прозаики старшего поколения вступили в 1941 год, как правило, уже сложившимися художниками слова и пошли на войну, чтобы писать о войне.

Естественно, они могли видеть события тех лет шире и осмыслить их глубже, чем писатели среднего поколения, воевавшие непосредственно на передовой и вряд ли думавшие в то время, что они когда-нибудь возьмутся за перо. Круг видения последних был довольно узок и ограничивался часто пределами взвода, роты, батальона. Эта «узкая полоса через всю войну», по выражению писателя-фронтовика А. Ананьева, проходит и через многие, особенно ранние, произведения прозаиков среднего поколения, такие, например, как «Батальоны просят огня» (1957) и «Последние залпы» (1959) Ю. Бондарева, «Журавлиный крик» (1960), «Третья ракета» (1961) и все последующие произведения В. Быкова, «Южнее главного удара» (1957) и «Пядь земли» (1959), «Мёртвые сраму не имут» (1961) Г. Бакланова, «Крик» (1961) и «Убиты под Москвой» (1963) К. Воробьёва, «Пастух и пастушка» (1971) В. Астафьева и другие.

Но, уступая писателям старшего поколения в литературном опыте и «широком» знании войны, писатели среднего поколения имели своё явное преимущество. Все четыре года войны они провели на переднем крае и были не просто очевидцами боёв и сражений, но и их непосредственными участниками, лично испытывшими все тяготы окопной жизни. «Это были люди, которые все тяготы войны вынесли на своих плечах – от начала ее и до конца. Это были люди окопов, солдаты и офицеры; они сами ходили в атаки, до бешеного и яростного азарта стреляли по танкам, молча хоронили своих друзей, брали высоты, казавшиеся неприступными, своими руками чувствовали металлическую дрожь раскалённого пулемёта, вдыхали чесночный запах немецкого тола и слышали, как остро и брызжуще вонзаются в бруствер осколки от разорвавшихся мин». Уступая в литературном опыте, они имели определённые преимущества, так как познали войну из окопов.

Вот это преимущество – непосредственное знание войны, переднего края, окопа, позволило писателям среднего поколения дать картину войны чрезвычайно ярко, высветив мельчайшие подробности фронтового быта, точно и сильно показав самые напряжённые минуты – минуты боя – всё то, что они видели своими глазами и что сами пережили за четыре года войны. «Именно глубокими личными потрясениями можно объяснить появление в первых книгах писателей-фронтовиков обнажённой правды войны. Книги эти стали откровением, какого ещё не знала наша литература о войне» .

Но не сражения сами по себе интересовали этих художников. И писали они войну не ради самой войны. Характерная тенденция литературного развития 1950-60-х годов, ярко проявившаяся в их творчестве,

заключается в усилении внимания к судьбе человека в её сопряжённости с историей, к внутреннему миру личности в её нерасторжимости с народом. Показать человека, его внутренний, духовный мир, наиболее полно раскрывающийся в решающую минуту, – вот главное, ради чего брались за перо эти прозаики, которым, несмотря на своеобразие их индивидуального стиля, присуща одна общая черта – чуткость к правде.

Ещё одна интересная отличительная черта характерна для творчества писателей-фронтовиков. В их произведениях 50-60-х годов, по сравнению с книгами предшествующего десятилетия, усилился трагический акцент в изображении войны. Книги эти «несли заряд жестокого драматизма, нередко их можно было определить как «оптимистические трагедии», главными героями их являлись солдаты и офицеры одного взвода, роты, батальона, полка, независимо от того, нравилось это или не нравилось неудовлетворённым критикам, требующим масштабно широких картин, глобального звучания. Книги эти далеки были от какой-либо спокойной иллюстрации, в них отсутствовали даже малейшая дидактика, умиление, рациональная выверенность, подмена внутренней правды внешней. В них была суровая и героическая солдатская правда.

Война в изображении прозаиков-фронтовиков – это не только и даже не столько эффектные героические подвиги, выдающиеся поступки, сколько утомительный каждодневный труд, труд тяжелый, кровавый, но жизненно необходимый, и от этого, как его будет выполнять каждый на своем месте, в конечном счете и зависела победа. И именно в этом каждодневном ратном труде и видели героизм советского человека писатели «второй волны». Личный военный опыт писателей «второй волны» определил в значительной степени как само изображение войны в их первых произведениях (локальность описываемых событий, предельно сжатых в пространстве и времени, очень незначительное число героев и т. д.), так и жанровые формы, наиболее соответствующие содержанию этих книг. Малые жанры (повесть, рассказ) позволяли этим писателям наиболее сильно и точно передать все, что они лично видели и пережили, чем до краёв были переполнены их чувства и память.

Именно в середине 50-х – начале 60-х годов рассказ и повесть заняли ведущее место в литературе о Великой Отечественной войне, значительно потеснив роман, занимавший главенствующее положение в первое послевоенное десятилетие. Столь осязаемое подавляющее количественное превосходство произведений, написанных в форме малых жанров, заставило некоторых критиков с поспешной горячностью утверждать, что роману уже не восстановить своего былого ведущего

положения в литературе, что это жанр прошлого и что сегодня он не отвечает темпу времени, ритму жизни и т.д.

Но время и жизнь сами показали неосновательность и чрезмерную категоричность подобных заявлений. Если в конце 1950-х – начале 60-х годов количественное превосходство повести над романом было подавляющим, то с середины 60-х годов роман постепенно возвращает себе утраченные позиции. Причём роман претерпевает определённые изменения. Он более, чем раньше, опирается на факты, на документы, на действительные исторические события, смелея вводит в повествование реальные лица, стремясь нарисовать картину войны, с одной стороны, как можно более широко и полно, а с другой – исторически предельно точно. Документы и художественный вымысел идут здесь рука об руку, являясь двумя основными слагаемыми.

Именно на сочетании документа и вымысла были построены такие, ставшие серьёзными явлениями нашей литературы, произведения, как «Живые и мёртвые» К. Симонова, «Истоки» Г. Коновалова, «Крещение» И. Акулова, «Блокада», «Победа» А. Чаковского, «Война» И. Стаднюка, «Всего одна жизнь» С. Барзунова, «Капитан дальнего плавания» А. Крона, «Полководец» В. Карпова, «Июль 41 года» Г. Бакланова, «Реквием каравану PQ-17» В. Пикуля и др.

Белорусская литература послевоенных лет была посвящена преимущественно прошедшей войне. Осмыслением войны по ее горячим следам стал роман «Млечный путь» К. Чорного, посвященный размышлениям о судьбе народа во время войны.

К. Чорный

М. Лыньков

Я. Колас

Военные события представлены в романе-эпопее М. Лынькова «Незабываемые дни». Главный герой романа Константин Заслонов предстает и как реальная личность, и как легендарный герой.

В это время вышли произведения И. Шамякина. За роман «Глубокое течение» писатель был награжден Государственной премией СССР. Этот первый белорусский «партизанский» роман стал значительным событием в литературе своего времени.

Освобождению БССР от немецко-фашистских захватчиков, в том числе событиям операции «Багратион», посвящен роман И. Мележа «Минское направление». В нем показаны реальные исторические личности, в частности командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский.

И. Мележ

И. Шамякин

В первое послевоенное десятилетие в большинстве произведений о войне внимание концентрировалось преимущественно на героизме ее участников. В них нашло отражение настроение народа-победителя, который вопреки всем трудностям и потерям дождался своего счастья мирной жизни.

В это время плодотворно работал Я. Колас. В 1947 г. вышла его поэма «Хата рыбака», за которую он получил Государственную премию СССР. А в 1954 г. писатель завершил работу над трилогией «На перепутье».

Белорусские писатели сделали первые попытки отойти от традиционной для белорусской литературы деревенской тематики в духе метода социалистического реализма. А. Кулаковский свою повесть «Закалка» посвятил показу строительства Минского тракторного завода, а М. Последович свое произведение «Теплое дыхание» роман «Млечный путь» возведению автомобильного завода.

В первое послевоенное десятилетие успешно развивалась белорусская поэзия. Она пронизана чувством гордости народа за одержанную победу в войне, верой в его огромные созидательные возможности.

В эти годы в расцвете творческих сил находились такие известные поэты, как П. Бровка, М. Танк, П. Панченко, П. Глебка, А. Кулешов. Поэму «Знамя бригады» вышедшую в 1943 г. А. Кулешов посвятил борьбе против немецко-фашистских захватчиков. За нее автор получил Государственную премию СССР.

П. Бровка

А. Кулешов

Особенности развития белорусской литературы в послевоенное десятилетие:

– белорусская проза постепенно избавлялась от риторики и схематичности, отвергала бесконфликтность, углубляла свое гуманистическое содержание

– общим для белорусской литературы послевоенных лет был поиск тесных связей с действительностью, большое внимание уделялось проблеме героя современности

– часто главный герой произведения становился рупором идей, в противовес приглаженным и приукрашенным обстоятельствам

Выводы. Писатели дышали одним дыханием с борющимся народом и чувствовали себя «окопными поэтами», а вся литература в целом, по меткому выражению А. Твардовского, была «голосом героической души народа».

Литературные источники:

1. История русской советской литературы / под ред. П. В. Выходцева. – М., 1970. – 390 с.

2. Бондарев, Ю. В. Тенденция развития военно-исторического романа : собр. соч. – М., 1974. – Т. 3. – 436 с.

3. Бондарев, Ю. В. Взгляд в биографию : собр. соч. – М., 1970. – Т. 3. – С. 389–390.